Маленькій фельетонъ

Шарль и Лизетта

... Яко вселюся въ послѣднихъ моря — Ты тамо еси..."
Псаломъ.

Живутъ они въ самомъ центрѣ foire de Paris между американскимъ тиромъ и яростно веселыми карусельными коровами, что, по четыре въ рядъ, взмываютъ, кружатся, мотаютъ золочеными ротами, ревутъ механической машинкой!

« On fait un' p'tite belote
Et puis ça va

Ухъ! Страшно мимо пройти!

Ихъ жилище потише. Тоже круглое какъ карусель, но цвѣта скромнаго, сизоватаго, подъ морскую воду, и пахнетъ тухлой рыбой.

У входа на перилахъ сидитъ маленькая дохленькая обезьянка въ колпачкѣ хвостъ свѣсила, словно рыбу удить. Моргаетъ озабоченно, дергаетъ колокольчикъ. А надъ входомъ надпись: Lions de mer По нашему —моржи.

За пятьдесятъ сантимовъ обезьянка пускаетъ войти.

Живутъ моржи не богато, но съ претензіей. На облупленной стѣнкѣ намалевана бѣлая шишка съ синими разливами. Это, — понимай — берегъ Ледовитаго океана, плывущая ледяная гора, родной моржевый пейзажъ.

Обстановка простая: бассейнъ, мутная вода, деревянный помостъ. На помостѣ двѣ табуретки съ надписями — на одной "Шарль", на другой "Лизетта".

Вода въ бассейнѣ все время бурлитъ, волнами ходитъ , крутятся въ ней два круглыхъ, темныхъ тѣла, шлепаютъ плавниками, брызжутъ во всѣ стороны — весело! Круглыя морды, съ обвислыми усами, словно у малороссa, когда онъ борщъ хлебаетъ, выскакиваютъ изъ воды, ныряютъ, веселы, гакаютъ, дыркаютъ.

Тупорылый парень въ резиновыхъ сапогахъ, перелѣзъ черезъ перильце на помостъ, затрубилъ въ рожокъ. Слышно обезьянка звонитъ, надрывается.

Изъ воды упираясь плавниками выползъ Шарль — огромная черная скользкая клецка. Перевернулся брюхомъ кверху, заглянулъ круглымъ глазомъ въ воду — видитъ ли его Лизетта — и сталъ мантильничать: терся мордой объ доски, мурлыкалъ какъ баловавная кошечка.

Эхъ, милый, видѣлъ бы ты себя, что ты за харя!

Но изъ бассейна, какъ завороженная пристально смотрѣла на него круглыми глазами круглая голова, удивленно и восторженно. Это была Лизетта. И не выдержала. Съ громкимъ воплемъ выскочила изъ воды, захлопала плавниками, забилась въ ликующей истерикѣ, словно собачовская психопатка на концертѣ въ дворянскомъ собраніи.

Тупорылый парень затрубилъ еще. Граммофонъ захрипѣлъ отчетливо и нагло: Je cherche partout Titine...

Шарль и Лизетта влѣзли каждый на свой табуретъ и стали служить искусству. Жонглировали шарами, держали на носу цилиндръ и горящую лампу. Работалъ больше Шарль, но Лизетта все время слѣдила за нимъ и волновалась, а когда онъ не удержалъ шара, она даже шлепнулась съ табурета и безпокойно заревѣла.

Послѣ спектакля парень бросилъ артистамъ по куску рыбы. Шарль быстро проглотилъ свою долю. Лизетта поднявъ голову, слѣдила за нимъ. Потомъ поймала ртомъ свой кусокъ, выпустила его снова и отплевала, отковыляла на своихъ плавникахъ въ сторону. Шарль вытянулся, ухватилъ рыбу, задралъ голову и съѣлъ.

И тутъ Лизетта, радостно всплеснувъ плавниками, кинулась колесомъ въ воду, ревѣла восторженно и благодарно, неуклюжая, усатая, брызгала грязную воду словно излучала свою морскую звѣриную радость.

О, Лизетта! Ты даже не звѣрь, а уродъ морской, полу - гадъ, полу - рыба, ты "послѣдняя моря" изъ псалма библейскаго, и ты отдала такъ свѣтло и радостно все что у тебя было, во имя чего тебя мучили, дрессировали, приручали — твой маленькій кусочекъ тухлой рыбы! Ты — клецка черная, ослизлая резинка, какъ смѣешь ты... любить!

Тэффи.

комбинація (онъ идетъ отъ ранняго Пикассо и пользуется фактурой Брака послѣднихъ лѣтъ). Нельзя отрицать однако, что обѣ его картины однѣ изъ самыхъ пріятныхъ на выставкѣ. Что касается Марса Эриста, то онъ скорѣй поэтъ, чѣмъ живописецъ, недаромъ его такъ любятъ поэты. Все чисто - живописное у него — заимствовано. Гораздо ближе къ Дерену и гораздо дальше отъ кубизма въ узкомъ смыслѣ слова стоитъ Кисленгъ. Въ обѣихъ его обнаженныхъ фигурахъ есть нѣкоторый формальный произволъ, но и одно изъ стихійнѣйшихъ живописныхъ дарованій нашего времени. Меджнесъ очень своеобразный колористъ и тонкій рисовальщикъ. Люкъ - Альберъ Моро превосходенъ по обыкновенію. Гоэргъ — врожденный иллюстраторъ, именно съ этой точки зрѣнія нужно оцѣнивать его "Свадьбу" и позволительно предпочитать его графику. У голландца Кинерта первоклассное пониманіе живописнаго ремесла, но его картина все таки второстепенна.

Въ салонѣ приняли участіе многіе русскіе художники, но и изъ нихъ я укажу только то, что меня заинтересовало. Пейзажи Гончаровой пріятны по тону, но въ нихъ есть какая - то досадная сочиненность. Пуни выставилъ очень хорошій натюрмортъ. Натюрмортъ С. Карскаго тоже хорошая, хотя нѣсколько школьная вещь, онъ несравненно лучше его портрета. Самая интересная изъ русскихъ картинъ несомнѣнно портретъ Терешковича. Несмотря на очень тѣсную зависимость отъ Брака во всемъ, что касается выполненія, въ немъ есть композиціонное своеобразіе, цѣлостность замысла и свѣжесть общаго эффекта.

Надѣюсь, что эта явная удача окажется прочнымъ достиженіемъ.

В. Вейдле.

Литературный Конкурсъ „Звена"

До 27-го марта поступило свыше 90 разсказовъ.

Срокъ представленія рукописей истекаетъ **завтра, 31 марта 1925 г.**

Наши анкеты

У З. Н. ГИППІУСЪ

Зинаида Николаевна куритъ и говоритъ. Въ сосѣдней комнатѣ, за стѣной шаркаютъ туфли Д. С. Мережковскаго; время отъ времени Мережковскій появляется, подаетъ реплику или задаетъ вопросы.

Зинаида Николаевна говоритъ медленно, немного капризнымъ, скучающимъ голосомъ.

***

— Въ моихъ статьяхъ написано все, что надо и интересно знать читающей публикѣ. Что же я могу сказать больше?

Вы спрашиваете о молодыхъ литераторахъ въ Россіи? Тамъ могутъ быть, конечно, талантливые самородки, но въ условіяхъ совѣтскихъ, при неизбѣжной "смычкѣ" съ большевистской властью, какъ имъ, въ ихъ мѣру, проявиться? Мы должны помнить, что тамъ — жерновъ на шеѣ... Здѣсь, у насъ, другой жерновъ. — безродность, безпочвенность... Это тяжело, но все таки, — свободное слово у насъ есть...

Изъ писателей эмигрантовъ — самый значительный, конечно, Бунинъ. Это первоклассный талантъ и очень характерный русскій беллетристъ. Какъ поэтъ — интересенъ Ходасевичъ. Молодая здѣшняя поэзія еще не опредѣлилась, хотя есть, кажется, и "подающіе надежды"...

— Вы хотите — обо мнѣ... Работаю я сейчасъ очень много. Газетная работа беретъ у меня времени больше, чѣмъ нужно бы, вѣдь я и статью пишу, какъ беллетристику, съ такимъ же вниманіемъ къ языку, хотя знаю, что этимъ вовсе не интересуются.

Лѣтомъ было свободнѣе и я начала два романа, — да, разомъ два, и оба изъ эмигрантской жизни. Въ одномъ — французъ и русская барышня... Помните, въ "Игрокѣ" Достоевскаго: "Французъ и русская барышня это такое соединеніе, которое не сразу поймешь"... Эта проблема меня и занимаетъ. Думаю, трудно русской полюбить француза... Есть какая-то несовмѣстимость двухъ душъ. Другой же мой романъ — авантюрнаго характера... "Общество провѣрки рекламы". Представьте себѣ, что выдумо бы, если бы нанять провѣрять всякую рекламу!...

Зинаида Николаевна смѣется и, по привычкѣ, закатываетъ глаза:

— Сейчасъ я готовлю большую статью "О Любви"— по поводу романа Бунина "Митина любовь".

Современную французскую литературу я читаю усердно, но мало что можно отмѣтить. Впрочемъ, можетъ быть, мы ихъ такъ же не понимаемъ, какъ и они насъ... Французовъ я, однако, очень люблю, и люблю Парижъ, который знаю столько лѣтъ. Мы жили здѣсь не эмигрантами — кто думалъ, что Парижъ станетъ нашимъ пристанищемъ? Одинъ значительный эмигрантъ сказалъ какъ-то недавно такой парадоксъ: теперь существуетъ только одна русская столица: и эта столица — Парижъ...

***

Зинаида Николаевна замолкаетъ на одно мгновенье... Потомъ, привычнымъ жестомъ поправляетъ мѣхъ , сбиваетъ пепелъ и снова куритъ, куритъ и говоритъ — временами сердито, временами со смѣхомъ: Мережковскій рядомъ, за столомъ: прислушивается, задаетъ вопросы. Потомъ подымается и бродитъ по комнатѣ неровными, подпрыгивающими шажками.

Андрей Сѣдыхъ.

Отклики

ДОСТОЕВСКІЙ, МОПАССАНЪ и ЛЕКОНТЪ де ЛИЛЛЬ. — ДИСПУТЪ въ МОСКВѢ. — НА СМЕРТЬ ЛЕНИНА. — НЕНАВИСТНИКИ МОЛЬЕРА. — ВОЛЬТЕРЪ - ЧАСОВЩИКЪ.

"Пари - Суаръ" сдѣлалъ необыкновенное литературное открытіе.

"Недавно — пишетъ эта газета — кто то справедливо отмѣтилъ то огромное и рѣшающее вліяніе, которое оказалъ Мопассанъ на Достоевскаго и Горькаго .."

Объяснъ Горькаго. Но по отношенію къ Достоевскому въ мнѣніи проницательнаго критика есть легкое, но "рѣшающее" недоразумѣніе. "Не стоитъ объяснять его. Русскіе читатели знаютъ, конечно, что главнѣйшіе романы Достоевскаго были написаны тогда, когда о Мопассанѣ еще даже слышно не было.

По поводу французскихъ "источниковъ творчества" Достоевскаго мнѣ хотѣлось бы обратить вниманіе на обстоятельство, кажется никогда еще не отмѣченное. Есть стихотвореніе Леконтъ-де-Лилля. « Les reniment du Saint - Père » которое по темѣ и ея толкованію до страннаго напоминаетъ Легенду о Великомъ Инквизиторѣ. У Леконтъ-де-Лилля нѣтъ вступленія Легенды и нѣтъ ея конца — поцѣлуя Христа. Но бесѣда папы Иннокентія III съ явившимся ему Христомъ совпадаетъ почти цѣликомъ съ упреками кардинала въ легендѣ Достоевскаго. Въ особенности удивительно въ этомъ сходствѣ упоминаніе объ покупкѣ Христа въ пустынѣ.

Зналъ ли Достоевскій стихотворенія французскаго поэта?

***

Въ Москвѣ недавно былъ литературный диспутъ. Бухаринъ, знаменитый авторъ "Азбуки коммунизма" громилъ представителей формальнаго метода.

Шкловскій съ Эйхенбаумомъ защищались.

Основныя положенія Бухарина ясны и отчетливы до крайности. Судите сами : "если въ формальномъ методѣ и есть кое-что цѣнное, поскольку формалисты правильно стремятся въ искусствѣ выявить его специфическія особенности, то ни въ коемъ случаѣ нельзя признать правильнымъ то, что выявивши эти особенности, между прочимъ весьма неправильно, и подмѣнивъ сущность искусства, — эмоціальный характеръ организующагося въ форму матеріала — формой его, т. е. явленіемъ, ни въ коемъ случаѣ не представляющимъ специфическія особенности искусства, формалисты рѣшительно отказываются выводить изъ ряда явленій, (чистое искусство), и разсматриванія ихъ въ связи съ обстановкой."

"Что за перо у этого человѣка!" воскликнулъ бы гоголевскій судья.

Эйхенбаумъ, главнымъ образомъ, жаловался на Луначарскаго, обозвавшаго его "социально - патологическимъ типомъ" и заявившаго, что онъ, Эйхенбаумъ, "до конца ничего не понимаетъ".

Шкловскій, послѣ разсужденій литературныхъ, замѣтилъ, что "слишкомъ ужъ много развелось марксистовъ" и потому формалисты себя учениками Маркса не признаютъ.

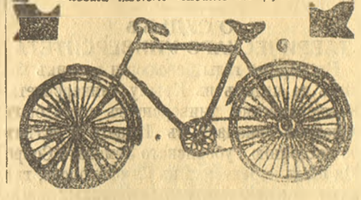
На что "сконфуженный" Маяковскій замѣтилъ, что онъ хотя во всемъ согласенъ со Шкловскимъ, однако, его послѣдняго замѣчанія не принимаетъ.

(Продолженіе см. 4 стр.)

30 марта, въ понедѣльникъ въ 9 ч. веч.
SALLE DU CONSERVATOIRE, 2bis, Rue du Conservatoire (9e)
Концертъ Михаила Соболева (Теноръ)
При участ. Mlle A. DEREIMS (de l'Opéra) — У рояля Ольга Воронова.
Въ программѣ: Гречаниновъ, Ипполитовъ Ивановъ, Мусоргскій, Рахманиновъ, Римскій - Корсаковъ, Вагнеръ, Дюпаркъ, Форе и т. д. Оставш. билеты продаются въ рус. маг. у Леонарди 23, r. de Liège и во всѣхъ большихъ французск. музыкальныхъ магаз.

БАНКЪ
ДЛЯ ТОРГОВЛИ И ПРОМЫШЛЕННОСТИ ВЪ ВАРШАВѢ
Banque pour le Commerce et l'Industrie à Varsovie
ОТДѢЛЕНІЕ ВЪ ПАРИЖѢ 36, rue Châteaudun, Paris (9e)
Téléph.: Trudaine 56-49, 66-78, 42-48 Adr. Telégr.: Bankvarsb
Правленіе въ Варшавѣ. Около 170 отдѣленій въ Польшѣ
Отдѣленія въ Лондонѣ, Антверпенѣ, Брюсселѣ, Роттердамѣ и Данцигѣ
Переводъ денегъ во всѣ мѣстности Россіи
Украины, Крыма, Кавказа, Сибири, Туркестана, Бухары, въ Польшу, Литву, Латвію, Эстонію, Финляндію, Германію, Австрію, Чехо-Словакію, Сербію, Болгарію, Румынію, Турцію, на наиболѣе выгодн. услов. съ полн. гарант., по почтѣ и телегр. по сам. кратч. срокъ и люб. валютѣ. Банкъ сост. корреспонд. Россійск. государственнаго банка. — Россійскаго Коммерч. банка. — Росс. Торгово - Промышлен. банка

Антикварный Магазинъ А. ЛЪСИНА
«QUELQUES OBJETS ANCIENS»
10, Rue Tronchet Téléph.: Louvre 0-99
покупаетъ, продаетъ и принимаетъ на комиссію старинныя художественныя вещи.

ЗА 50 ФР.
Вы получите въ собственность велосипедъ «ОЛИМПИКЪ»
Остальная сумма стоимости погашается ежемѣсячными взносами по 30—40 фр въ теченіе года.
Образецъ по выбору покупателя: гоночный, дорожный, рабочій, дамскій и проч. Наша продажа непосредственно покупателю позволяетъ намъ дѣлать большія облегченія клиентамъ, не боясь никакой конкурренціи ни въ цѣнѣ ни въ качествѣ
Дорожный Велосипедъ отъ 458 фр.
Всѣ наши велосипеды продаются съ гарантіей на три года. На Олимпійскихъ играхъ 1924 г. всѣ рекорды были побиты Франціей исключительно на нашихъ велосипедахъ «ОЛИМПИКЪ»
Требуйте безплатной высылки иллюстрированнаго каталога N·B
ВЕЛОСИПЕДОВЪ «ОЛИМПИКЪ»
70, rue Pierre-Charron, PARIS (VIII)
По требованію велосипеды высылаются въ провинцію.
Магазинъ открытъ по воскресеньямъ отъ 8 ч. 30 м. утра до 12 ч. дня.
Письма можно писать по русски.


НЕПРОМОКАЕМОЕ КОЖАНОЕ
ПАЛЬТО
на бараньей подкладкѣ
за 75 фр.

наличными и 10 мѣсяцевъ разсрочки. Вы получите великолѣпное пальто изъ настоящей кожи цвѣта коричневаго или желтаго, очень элегантное, исключительно легкое, но теплое и чрезвычайно прочное (носится нѣсколько лѣтъ), совершенно непромокаемое и не портящееся отъ дождя. Требуйте высылку безплатнаго каталога и образцовъ кожи.
PARIS-CUIR
55, av. des Champs-Elysées
MAGASIN
55, rue de Ferdinand Fabre

Правда Бунина

О послѣдней книгѣ И. Бунина "Роза Іерихона" говорили много и восторженно. Называли ее "подаркомъ русской литературѣ", сравнивали съ "драгоцѣннымъ ларцемъ, полнымъ самоцвѣтныхъ камней" и еще съ чѣмъ то; наконецъ, просто отъ души радовались появленію въ печати этой чудесной книги.

По духу новые разсказы не многимъ отличаются отъ прежнихъ. Правда, въ нихъ больше лиризма, задушевности и нѣкоторыя темы утонченнѣе, изысканнѣе, и впервые овѣяны онѣ не прохладой мудрости, а теплой и нѣжной печалью. Сквозь трагизмъ Бунинскаго творчества струится чуть зримый тихій предразсвѣтный свѣтъ. И все же эта книга плоть отъ плоти предыдущихъ. Въ чемъ то самомъ главномъ книги Бунина — одно, и обусловлено это единство своеобразнымъ міроощущеніемъ писателя.

Все это творчество проникнуто безстрашной не милосердной, но глубокой правдой о жизни. Не многіе чувствуютъ ее такъ ярко, какъ онъ, еще меньше отдаютъ ей на служеніе все свое дарованіе и потому говорить о сущности міроощущенія Бунина, значитъ, — говорить о его правдѣ.

Чувство и мѣра правды вытекаютъ у Бунина изъ высокой и строгой его эстетики. Этотъ эстетическій критерій правды сближаетъ его со старыми мудрыми правдолюбцами, которые утверждали, что мѣрять правду можно лишь высокой и чистой мѣрой.

Правда нужна ему, какъ художнику строгой красоты, для котораго ложь, даже тонкая и изящная, всегда безобразна, безобразнѣе безобразія самой жизни. Правду эту художественно изобразить очень трудно. Она требуетъ особой формы и ее не передать мастерствомъ блестящей лжи, жеманствомъ, словесной мишурой, анекдотическимъ сюжетомъ со щеголь - ской разлязкой, даже доброкачественнымъ романтическимъ притворствомъ. "Прекрасно искусство — мучительная естественность" ("Косцы"), т. е. красота полная, раскрытая до конца тамъ, гдѣ творчество сливается съ природой и какъ бы ее возсоздать . Стиль Бунина точный, четкій, изысканно - простой и прозрачно - ясный передаетъ эту "правду жизни" въ совершенной полнотѣ.

Методъ творчества Бунина обусловленъ его отношеніемъ къ природѣ. Для него природа воистину солнце,, вокругъ котораго движется эта литературная звѣзда. Въ понятіе "природы" у Бунина, какъ и у Л. Толстого, входитъ не только видимый міръ, декоративно окружающій человѣка, но и самъ человѣкъ во всей полнотѣ его судьбы: его душа, страсти, характеръ, языкъ, бытъ, исторія — все вмѣстѣ. Эта плоть земная — прекрасна, прекраснѣй всего въ мірѣ, потому что въ ней, и въ ней одно, играетъ жизнь — священная, непревзойденная красота безпредѣльной среды все новыхъ и новыхъ воплощеній. Ни романтическія фантазіи, ни стройные томысли отвлеченной мысли — съ этой плотской красотой жизни не сравнимы. Только она — объективная правда міра.

Вотъ объ этой нѣкіимъ внутреннимъ единствомъ связанной міровой плоти Бунинъ и хочетъ знать одну правду. Не потому ли, что такъ высокъ тонъ его эстетическаго міроощущенія и изысканъ методъ его творчества, — у него много поклонниковъ и мало читателей? Не потому ли тотъ, кто ищетъ въ литературѣ "идей", "проблемъ" и "призывовъ", никогда его, быть можетъ, не пойметъ и не оцѣнитъ?

Грозная правда жизни для Бунина въ томъ, что вся она перевита ложью, и ложь эта тонкая, едва уловимая, плѣнительно волнующая наше воображеніе.

Бунинъ съ жестокимъ мужествомъ обрушивается на "возвышенныя идеи", которыми не живетъ, но о которыхъ такъ много говоритъ и пишетъ современный человѣкъ. Если прочитать всѣ произведенія Бунина, можно сказать безъ преувеличенія, — отъ нашихъ воздушныхъ замковъ остаются только развалины. Жизнь у Бунина проще, жестче и жесточе, чѣмъ наше наивное о ней представленіе. Иллюзіи, волнующіе "идеалы", красивое безсознательное притворство — ложь: братства въ жизни нѣтъ, свободы — нѣтъ, вѣчныхъ чувствъ — нѣтъ, безсмертной любви — нѣтъ, цѣлостной личности — нѣтъ, стойкаго безущербнаго счастья — нѣтъ. Къ чему громкія слова, упоительные вымыслы, которыми прикрывается наша жизнь? Очарованіе "возвышенныхъ идей", потребность очарованія — потребность всякой живой души въ мечтѣ, въ романтикѣ. Но мечта непадежна, призрачна, она — не норма жизни. Въ плоти, ея законахъ, въ эмпирикѣ, въ подлинной правдѣ о жизни — не отыскать воплощенія нашихъ воздушаній. Жизнь серьезна, трагична, свирѣпа и грозна. Она таитъ въ себѣ свои возможности и преграды и никакими словами и мечтами ее не преодолѣть. Она наваливается на человѣческую душу всей тяжестью своихъ законовъ, страстей, инстинктовъ, національныхъ и моральныхъ нормъ и предразсудковъ. "Люди рабы жизни, не ея творцы". ("Безумный художникъ")

Какъ у Толстого раздавлена святость отца Сергія, пламенная женственность Анны Карениной, сознаніе Ивана Ильича, точно такъ же гибнутъ у Бунина — прелестная юность Саши Діесперовой, могущественный и важный господинъ изъ Санъ - Франциско, тихій, трудолюбивый Фисунъ, цѣломудренная Парашка...

Гибнутъ жизни, сердца, воспоминанія, страсти, личное счастье и народное благоденствіе. Все гибнетъ, и проходитъ. Всему — свой конецъ!

Это не значитъ, однако, что въ жизни нѣтъ никакихъ радостей. Онѣ существуютъ и онѣ подлинныя, явныя, никакими лукавыми иллюзіями незамѣнимые. Онѣ такія же данныя, на утѣшеніе сотворенныя : это — юность, чистота дѣтскости, это — красота, любовь, таланъ, природа, родина и вдохновеніе... Но Бунинъ не хочетъ лжи объ этихъ редкостяхъ. Онѣ измѣняются, вянутъ, гибнутъ, исчезаютъ. Въ самое существо ихъ вплетенъ трагизмъ быстротечности, обреченности.

Вотъ правда о мірской радости!

Только тѣ радости вѣрныя, которыя существуютъ, дарованы намъ, хотя и отнимутся въ свой часъ. А что отнимутся, это ясно, потому что Саша Діесперова должна стать старухой и именно такой безобразной и жалкой по всѣмъ законамъ жизни маленькаго убогаго міра, въ которомъ протекаетъ ея судьба.

Бунинъ знаетъ лишь одну неувядаемую радость, сопутствующую человѣку до могилы — это вѣра въ Бога. Какъ и все для Бунина въ мірѣ, и вѣра тоже для него правдиво - человѣчна. Большинство людей живетъ и умираетъ съ такой вѣрой. Это — не объективное творческое начало міра, а субъективное — лирика души утомленной "неудобоносимымъ бремемъ" неизбѣжнаго, взыскующей о безмятежномъ и свѣтломъ покоѣ. Весь міръ съ его упоеніемъ и ужасомъ есть Божье творенье. Его воля и замыселъ. Такая вѣра не спрашиваетъ "почему", "зачѣмъ", а лишь лаконически утверждаетъ "такъ есть и будетъ", и будетъ всегда, потому что законы жизни вѣчны и божественны, стало быть, въ сокровенномъ существѣ міра и плоти ничего измѣнить нельзя. Вѣра здѣсь тоже безсильна. Всегда молодость будетъ радостью и очарованіемъ, болѣзнь будетъ отвратительна, страсть — слѣпа и буйна, смерть — нежелана. Вѣра не творитъ жизни, а лишь утѣшаетъ въ жизни. Она только высокая красота, воздыханія наши и робкія упованія сираго сердца. Область ея — тайна и нѣтъ отвѣта на вопросъ, "что тамъ?" Человѣкъ не знаетъ и никогда неузнаетъ объ этомъ, Правда, люди иногда утверждаютъ нѣчто потустороннее, какъ дѣйствительное, мыслятъ, что "знаютъ", что выпользнули изъ заколдованнаго круга нормы. Но въ жизни эти смѣлые притязанія ведутъ къ юродству, безумію, психопатіи, къ мнимой святости — къ безобразію искалеченной психики. Бунинъ со свойственнымъ ему тонкимъ чувствомъ реализма не проглядѣлъ сего. Его лучшіе художественные образы лже - святыхъ, юродивыхъ, безумнаго художника, горбуньи.. вызываютъ ощущеніе жути, безпокойства, непріязни — инстинктивную реакцію здоровой плоти на болѣзненное извращеніе души.

Такова правда Бунина о мірѣ.

Она подлинная, Божья правда, и нѣтъ у Бунина "клеветы на истину".

Но реализмъ человѣческой жизни не только кругъ нормы и "выскальзываніе" изъ него, но и преображеніе самой нормы въ высшую психологическую реальность — въ свѣтлый синтезъ святости. Изящной литературѣ очень рѣдко удавалось создать художественные образы святыхъ, зато духовная литература: житія, творенія св. отцовъ церкви и книги св. Писанія ярко и ясно запечатлѣли красоту преображенной человѣческой природы.

Въ этомъ "сверхнормальномъ" мірѣ эмпирическіе законы остаются незыблемы, но человѣкъ обрѣтаетъ силу превращать мучительный ихъ гнетъ въ "бремя легкое и благое". Законовъ жизни люди измѣнить не могутъ: утраты, болѣзнь, старость и смерть — неизмѣнные спутники всякаго жизненнаго процесса. Но люди могутъ сами измѣниться и этимъ побѣдить ихъ боль и ужасъ. Объ этомъ, главнымъ образомъ объ этомъ, говорятъ священныя книги. Ни эстетическое созерцаніе ни "мудрость вѣка сего" этой силы преодолѣнія не знаютъ, лишь религіознымъ огнемъ пылающая воля обрѣтаетъ ее, затаенную, въ глубинѣ человѣческаго сердца. Эта сила — правда любви божественной, любви къ Богу, къ ближнему, ко всякой твари, къ своему таинственно преображающемуся "я". Она такой же законъ плоти человѣческой, такъ же вплетена, впаяна въ нее, и такъ же, какъ сама жизнь "дарована".

Одна божественная любовь можетъ преобразить ненавистную смерть въ огненную точку жизнь, "смерть - окалѣваніе" — въ "смерть - успеніе". Только эта любовь можетъ сдѣлать безобразную старость прекрасной, получающей тонкую красоту все жизни противнаго и все въ жизни могущаго сердца, только въ любви божественной нѣтъ безобразія конца.

Трагизмъ правды Бунина и всякой правды о людяхъ въ томъ, что они испиваютъ горькую и отвратительную чашу отъ своей же или людской "не-любви".

И Казиміръ Станиславовичъ, и Парашка, и собесѣдники "Въ ночномъ морѣ" и страждущіе люди въ "Концѣ", и замученная русская красота въ "Несрочной веснѣ" — все это объято духомъ тлѣна, потому что во время не спасено любовью.

Наше сердце лѣниво, хило и не горячо, и мы равнодушны и къ чужой погибели и къ своей земной неволѣ.

Но не всегда человѣкъ кротко покорялся эмпирикѣ, не всегда предпочиталъ рабью законопослушность безусловной хотя порой и непосильной свободѣ. Весь драматизмъ жизни человѣческой отъ вѣка заключался въ возстаніи противъ порядка причинности. Никогда человѣкъ отъ полноты "дарованнаго" ему не отказывался. Онъ ошибался въ путяхъ своихъ, не могъ отыскать свѣтлаго міра "сверхреальности", падалъ и погибалъ, но "парадиза" быстротечныхъ радостей, упокоительной, не любопытной вѣры и рабьей юдоли принять не могъ.

Вотъ объ этой послѣдней правдѣ о человѣкѣ, о его тайномъ существѣ, о его вѣчномъ стремленіи преодолѣть несовершенство жизни и о возможности для человѣка такого преодолѣнія. Бунинъ намъ не говоритъ, этой правды онъ намъ не даетъ.

Но все же въ творчествѣ Бунина, въ его любви къ плоти, къ правдѣ и красотѣ земной, — мы можемъ отыскать живые корни подлинной любви, изъ которыхъ выростаетъ райское "древо жизни". Лишь полюбивъ земную плоть, человѣкъ можетъ посчувствовать и всѣ ея несовершенства, а познавъ ихъ — искать путей спасенія.

Утверждая священность жизни, чистой отъ всякой лжи, Бунинъ подводитъ насъ своимъ путемъ къ жаждѣ полной правды на землѣ, а любовью къ плоти земной предостерегаетъ отъ соблазна безплотной и безплодной святости.

Т. Таманинъ.